

Так что, обедая хлебом и вином (причем чаще всего в простых крестьянских домах, на природе), герои Гессе как бы возвращаются к простой жизни, собственной природной естественности.

Библиографический список

1. Hesse. H. Erzählungen / H. Hesse. – Leipzig: Insel – Verlag, 1973. –Bd. II.
2. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. – М.: ФАИР-пресс, 1999.

И.Н. Никитина

**СЛОВЕСНОЕ ТАБУ И ЭВФЕМИЯ
В ОПИСАТЕЛЬНОМ ПОЛЕ ЛИНГВИСТИКИ**

Самарский институт Российского государственного
торгово-экономического университета

Первое упоминание термина “эвфемизм” относят к 1656 году, когда английский историк и лексикограф Томас Блаунт в своей “Глоссографии” определил его как “хорошую” или “выгодную” интерпретацию плохого слова [8: 132].

В лингвистическом плане эвфемизмы стали изучать с конца девятнадцатого века, после того как немецкий исследователь Г. Пауль выделил их в схеме семантических изменений наряду с метафорой и метонимией [4: 123].

Явление “эвфемии” в лингвистике традиционно связывают с явлением “табу”. Поэтому неслучайно, что первоначально изучением эвфемизмов занимались этнографы, исследовавшие проблематику языкового табу, понимаемого как запрет на произнесение имени объекта, в первобытных сообществах.

Вслед за этнографами к проблеме изучения словесного табу и эвфемизмов присоединились лингвисты Западной Европы и Америки. Исследования эвфемизмов в британской и, прежде всего, американской лингвистике, отличает их прикладной характер, результатом чего явилось появление большого количества разнообразных словарей эвфемизмов, которые пользуются неизменной популярностью особенно в США. В отечественном языкознании проблема всестороннего изучения эвфемии была поднята лишь в последнее десятилетие XX века. До этого эвфемизмы рассматривались только в историческом аспекте в связи с древними табу. В настоящее время исследование эвфемизмов как универсальной языковой категории вызывает особый интерес среди российских лингвистов в связи с задачей

составления словарей эвфемизмов: одноязычных (русского языка) и двуязычных.

Начиная с первых работ, посвященных словесному табу, американские лингвисты во главу угла ставили изучение современных словесных запретов, как объекта эвфемистических замен. Причем под словесным табу понималось любое слово с “неприятной коннотацией” (“unpleasant connotation”), а не только запретное [14: 95]. В сферу табу включались, как традиционно грубая, непристойная лексика, так и слова с неприятным звучанием или даже графическим написанием, а также слова, вызывающие различные неприятные образы и ассоциации [13: 177]. Для американской лингвистики традиционным является широкое толкование эвфемизмов. Так, например, американский лингвист-испанист и составитель одного из первых двуязычных словарей эвфемизмов Ч. Кейни определяет эвфемию как средство, с помощью которого неприятный, оскорбительный или внушающий страх предмет обозначается косвенным или смягченным наименованием (“the means by which a disagreeable, offensive or fear-instilling matter is designated with an indirect or softer term”) [10: v].

В свою очередь сторонники узкого подхода относят к эвфемизмам только слова или выражения, которые употребляются говорящим вместо запрещенных (табуированных). Согласно такому пониманию, эвфемизмами являются “слова или выражения, заменяющие точные названия пугающих предметов или явлений и дающие возможность говорить о них без “опасности” вызвать стоящие за словом злые силы” [5: 51]. К узкому пониманию эвфемизмов можно отнести также их трактовку как заменителей инвективной, прежде всего – обценной лексики [1: 15].

В настоящее время большинство отечественных исследователей придерживаются широкого толкования эвфемизмов (А.М. Кацев; Л.П. Крысин; Е.П. Сенечкина и др.).

Способы перехода словесного табу в разряд эвфемизмов традиционно находятся в центре внимания лингвистов. Наиболее последовательная и детальная классификация приемов эвфемизации, по нашему мнению, предложена Б. Воррен. Ученый связывает процесс эвфемизации с двумя видами изменений. Первое касается формы слова или выражения (formal innovation). Второе – его значения (semantic innovation). Формальные изменения Б. Воррен делит на 3 большие группы: 1) с помощью словообразовательных средств (word-formation devices), фонетических изменений (phonemic modification) и заимствований (loan words). В группу семантических изменений, связанных с процессом эвфемизации, автор включил также приемы специализации и генерализации значения, метафору, метонимию, антифразис, литоту, гиперболу [15: 134]. Позднее данная классификация была дополнена К. Хэм. [9: 241]. В частности в группу семантических изменений был введен прием прономинации (употребление собственного имени в значении нарицательного, например, *Kitty* в значении

prostitute (проститутка). В группу формальных изменений автор ввел прием опущения (*deletion*). Данный прием имеет 2 разновидности: фонетическое (*Did you...?* вместо *Did you have sexual intercourse?*) и графическое опущение (*f—* вместо *fuck*).

Состав эвфемизмов постоянно меняется. Новые эвфемизмы появляются чуть ли не ежедневно. Многие из них становятся эвфемизмами разового использования (контекстуальные эвфемизмы), некоторые сохраняются в языке на протяжении столетий (узуальные эвфемизмы), другие утрачивают эвфемистическую силу в связи с частым использованием и переходят в разряд словесных табу.

Хью Роусон формулирует два основных закона, которым они подчиняются, – закону Грешама (*Gresham's Law*) и закону последовательности (*the Law of Succession*).

Истоки первого закона лежат в теории денег, которую вкратце можно изложить как: “плохие деньги вытесняют хорошие”. Аналогичные процессы происходят в языке, когда “плохие” значения или ассоциации, вызываемые теми или иными словами, могут вытеснить из употребления некогда бывшие безобидные. К примеру, в слове *feces* безобидное значение “осадок вина или оливкового масла” было вытеснено новым – “испражнения”.

Закон Грешама приводит в действие закон последовательности. Так как значение слова становится “плохим”, само слово становится табу для носителей языка и требует создания нового эвфемизма. То же самое происходит и со вторым и третьим словом. Примером такой эвфемистической цепочки может служить слово *mad* (“безумный”), которое последовательно эвфемизировалось в *crazy* > *lunatic* > *mentally deranged* > *mental* [12: 6].

В связи с тем, что состав эвфемистической лексики постоянно меняется в США появляются новые редакции и новые словари эвфемизмов. При этом сами лексикографы и исследователи признают, что отнесение того или иного слова и выражения к эвфемизмам весьма субъективно (*Neaman J.S. and Silver C.G., J. Ayto B. Worren*). Это связано с неразработанностью теоретических вопросов эвфемии и прежде всего основополагающих признаков эвфемизмов. Именно эта проблема, по нашему мнению, должна стать одной из основных в исследовательском поле лингвистики. Для ее решения целесообразным является привлечение данных различных языков.

Библиографический список

1. Буй, В. Русская заветная идиоматика. Веселый словарь народных выражений / В. Буй. – М.: Альта-принт, 2005. – 320 с.
2. Кацев, А.М. Языковое табу и эвфемия: учебное пособие к спецкурсу / А.М. Кацев. – Л.: изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. – 80 с.

3. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 384-406.
4. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.
5. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: Аспект – Пресс, 2005. – 5-е изд. – 536 с.
6. Сеничкина, Е.П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс: учеб. пособие / Е.П. Сеничкина. – М.: Высшая школа, 2006. – 151 с.
7. Ayto, J. Dictionary of Euphemisms / J. Ayto. – Bloomsbury Plc., Britain, 2003. – 332 p.
8. Enright, D.J. Fair of Speech: The Uses of Euphemism / D.J. Enright. – Oxford Univ. Press, 1985. – 220 p.
9. Ham, K. The Linguistics of Euphemism: A Diachronic Study of Euphemism Formation / K. Ham // *Journal of Language and Linguistics*. – 2005. – Vol. 4. – №2. – P. 227-259.
10. Kany, Ch.E. American – Spanish Euphemisms / Ch.E. Kany. Univ. of California, 1960. – 249 p.
11. Neaman, J.S. Kind Words: A Thesaurus of Euphemism / J.S. Neaman & C.G. Silver. – New York, 1983. – 483 p.
12. Rowson, H.A. Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk / H.A. Rowson. – New York, 1981. – 432 p.
13. Scott, F.N. Verbal Taboos / F.N. Scott // *The Standard of American Speech and other Papers*. – Boston, 1926. – P. 165-190.
14. Steadman, J.M., Jr. A Study of Verbal Taboos / J.M. Steadman, Jr. // *American Speech*. – 1935. – Vol. X. – №2. – P. 93-104.
15. Warren, B. What Ephemisms Tell Us About the Interpretation of Words / B. Warren // *Studia Linguistica*. – 1992. – 46/2. – P. 128-172.

С.Г. Каримова

КОНТЕКСТУАЛЬНО-ПРЕОБРАЗОВАННЫЕ АДЪЕКТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Казанский государственный университет

Адъективные фразеологические единицы относятся к числу универсальных, присутствующих в любом языке. Национальная языковая специфика прослеживается на уровне конкретных языковых средств, особенно на семантическом уровне, в основе которого лежат образы.

Адъективные ФЕ занимают важное место в познании и языке, являясь одним из способов отражения языковой картины мира целого народа, что